

Медный шелег — это вам не серебряный грош... И тем более не червонный талер.

Но чтобы определить, куда двигать дальше от этой неуютной развилки, где только и есть что три осины, покосившийся деревянный крест да огромная, как саксонская кровать короля Августа, и бездонная, словно карманы его фаворитов, лужа, то и медяк сгодится.

Прантиш — вчерашний ученик Менского иезуитского коллегиума, а сегодня — пройдоха, голодранец, бродяга, галыганец и как там еще чествовала его торговка булками на Нижнем рынке, и что впереди — неизвестно, ведь в восемнадцать лет даже святой Франциск Ассизский имел в голове ветер, а в руках — чарку вина...

Правда, вином, сладким да соблазнительным, подобно яблоку в руке прабабки Евы, видимо, угоститься Прантишу придется еще не скоро... Имеем в виду — за собственный счет.

Но где-нибудь да и найдется дармовой кубок для не очень-то крепкого, однако ладного голубоглазого школяра с улыбочивым ртом и упрямым русым чубом...

Где?

Прантиш подкинул шелег вверх. Назад он вернулся будто бы неохотно, несколько раз перевернувшись в воздухе — ясное дело, компании, даже такой же медной, в суме хозяина ему не предвиделось. Лихой всадник с мечом на тусклом диске монеты скакал в сторону Воложина. А может, Варшавы... Или Дрездена...

А почему бы школяру, который основательно овладел кухонной латиницей, не дойти до Дрездена или даже до Рима? Повсюду найдется жирная торговка булками, которая иногда теряет бдительность ради весьма полезной для разгона апатии и сжигания лишней желчи перепалки с соседками по базару, и уж, ясное дело, совершенно не способна догнать шустрого, как ртуть, потомка обнищавшего шляхетского рода Вырвичей герба «Гиппоцентавр» — на котором уже несколько столетий кентавр с благообразным, кротким лицом замахивается мечом на собственный хвост, превратившийся в клыкастого дракона. Отец, пан Данила Вырвич, а он часто после корчмы уподоблялся побитому дракону,

говорил — изображение на их гербе означает, что в каждом прячется и ангел, и скот покорный, и зверь хищный, и чтобы оставаться человеком, надобно всегда иметь при себе сверкающий меч шляхетской чести и отваги...

Осины жалостливо зашуршали узкими листьями, будто костельные кликуши в спину заскулили: ой, пропадет, сломает шею, погубит душу свою непокора чубатая...

А Прантиш перекрестился на скособоченный крест с остатками оброчного рушника, лет двадцать назад сотканного ткачихой, опасаящейся, что не поведут к венцу — или что не вернется из славного королевского войска ее милый... Поправил на голове шапку шляхетскую с настоящим, хоть и молью побитым, сободем и желтоватым диамантовым гузом — единственным, что, кроме потемневшего от времени прадедового золотого перстня-сигнета да сабли с выгравированным на эфесе гербом, сумел подарить сыну-студиозису старший пан Вырвич. Старательно начищенный Гиппоцентавр был во время срочной ретирады позорно

покинут в конvente — общежитии коллегиума... Вспоминая об утраченном шляхетском оружии, Прантиш подавил горький вздох и пошагал — туда, куда дует ветер и летят первые осенние листья, и облака, и птицы Симуург, и мечты недоучек иезуитского коллегиума.

Глава первая. КАК ПРАНТИШ КУПИЛ АЛХИМИКА

Карета была роскошной — и грязной. Грязной, как мужицкий кожаный лапоть — поршень. Из-за налипшей грязи нельзя было рассмотреть даже герб на дверках. А кони сытые, резвые... Жижа била фонтаном из-под копыт... Эх, если бы здесь кусты на обочине, да сумерки, да кони немного замедлили... Тогда бы Прантиш прицепился к экипажу, и с помощью святого Франтасия доехал хоть до Каменной Горки. Но было светло, а кучер сердито поглядывал по сторонам, как филин в поисках неосторожной мыши. Прантиш тоскливо глядел вслед карете, когда вдруг... Неужто святой Франтасий поспособствовал? — кучер, услышав окрик хозяина, натянул вожжи... Карета остановилась. Но мудрый школяр не спешил подбегать — мало ли чего заблагорассудится панам? Может, злобу на ком-либо сорвать захотелось... Известно, шляхтич к шляхтичу должен обращаться «пан-брат», как к равному, независимо — магнат ли ты или «посконный», у которого ни одного холопа не имеется. Но в

действительности шитый золотом кунтуш облезлому соболу не ровня. С братьями Володковичами, что с Радзивиллами водятся, столкнешься не в добрый час, не приведи Господь — сто и одна плеть обеспечены... Не за понюшку табаку, для форсу. А из окошка кареты между тем высунулось усатое лицо путешественника. Лицо красное, усы пшеничные длиннющие, на шапке алмазный гуз со сливу, и от злости чуть не огнем дышит. Остановился краснолицый взглядом на Прантишевой шапке шляхетской, несуразно со школярской мантией сочетаемой... Золотой сигнет не пропустил, который на Прантишевом пальце поблескивал тускло — недаром шляхтич скорее с голоду сдохнет, чем без знаков своего звания останется. Парень в очередной раз пожалел, что сабли нет. Эх, где ты, сабелька... Пусть черная, не парадная, в ножнах из кожи угря... Без коня тоже плохо, но всегда соврать можно, что проиграл верного дрыганта в карты. А шляхтич без сабли — все одно что голый.

— Эй, ты, гицель! Школяр! Тебе говорю, не луже. Подойди. Фортуну свою лови!

Ага, фортуна... Такой красномордый

разве что кулаком в рыло одарит.

Но Прантиш осторожно приблизился, готовый мгновенно отскочить.

— Что, у иезуитов учишься? — скользнул путник взглядом по Прантишевой одежке. — Шляхтич?

— Шляхтич! — гордо ответил Прантиш, положив руку с сигнетом на воображаемую саблю.

— А деньги имеешь, бездельник? Стоять! — рывкнул, заметив, что школяр при неделикатном вопросе о деньгах отпрыгнул на три лужи, а Прантиш в свою очередь заметил самое досадное, что можно увидеть на пустом осеннем большаке — а именно ствол направленного на него пистолета. Тут особо не побегаешь... Да и кучер вон какой грозный, и тоже с пистолетом за кушаком — этот не замедлит по хозяйскому приказу погнаться.

— Ты что, думаешь, пан Агалинский грабить тебя будет? Я продать одну ценную вещь желаю. Ну, хоть какая ломаная полушка имеется?

Прантиш неохотно полез в карман.

— Вот... Шелег...

— Матерь Божая Ченстоховская! Целый

шелег! — пистолет затрясся в руке краснолицего — так захохотал. — Слышь, звездочет? Я продам тебя за целый шелег! — добавил он, повернувшись к кому-то в карете.

Потом снова спросил у путника:

— Как тебя зовут? Имя скажи!

— Прантиш Вырвич, славного рода Вырвичей из Подневодья, герба «Гипсоцентавр»!

— Пусть будет Вырвич... Записывай... — последнее снова было сказано к неизвестному в карете.

Прантиш тоскливо поглядывал по сторонам, высматривая спасение. Вдруг дверка с заляпанным грязью гербом распахнулась, и князь Агалинский выволоч из кареты тощего немолодого типа в длинной черной одежде, похожей на мантию преподавателя коллегіума, с бритым по немецкому обычаю лицом. Мужчина посматривал колючими темными глазами из-под отросших черных лохм таким ненавистным взглядом, что Прантишу показалось — сейчас услышит привычный окрик: «Это самый ленивый студіозус от Тибра до Борисфена! Березовых розг ему...»

Между тем пан Агалинский могучей рукой едва не оторвал за загривок типуса от земли, хоть тот был выше его на полголовы, и толкнул в грязь, просто под ноги школяру.

— Давай шелег, сударь!

Прантиш протянул на ладони свою последнюю монетку... Агалинский взял ее двумя пальцами:

— Вот! Небо свидетель, слово шляхтича: с этой поры мерзавец Бутримус принадлежит тебе, делай с ним, что хочешь, — и полез назад в карету, насмешливо выкрикивая на прощание. — Вот где счастье, парень, привалило! Это ученый муж, алхимик. Он тебе золота наварит — засыплешься! Не забывай только бока ему подправлять дубиной, чернокнижнику проклятому!

Из кареты просто в лицо Прантишу вылетел бумажный свиток, тот еле успел его поймать.

Кучер тоже подарил на прощание ошалелому Прантишу очень неприятную ухмылку, дернул вожжи...

Только когда карета отдалилась на расстояние свиста, Прантиш немного очухался и перевел взгляд на свою новую

собственность.

Человек молча поднялся на ноги и отряхнул длинную черную свитку. Его нос напоминал клюв хищной птицы, губы презрительно поджаты... Так что Прантишу показалось — это не он купил лохматого проходимца, а совсем наоборот. Может, пока не поздно, стоит удрать от этого типа подальше? А вдруг он действительно колдун... Прантиш развернул свиток: это была оформленная как положено бумага на владение слугою мужского пола Балтроемом Лёдником, мастером тайных наук, доктором и толмачом, который по причине невозможности выплатить долг в двести дукатов дал присягу служить своему пану пожизненно, без платы и права уйти, и пан может распоряжаться им, как ему угодно. Имя Прантиша немного криво вписали на положенное место, чернила еще не просохли, и последняя буква фамилии имела размазанный хвостик, будто ее задержали, когда она собиралась убежать с подозрительного листа.

Между тем алхимик вперился в своего нового господина мрачным пронзительным взглядом. Молчание затянулось, как

варшавский сейм. Его нарушил Бутримус.

— Ну?

Прантиш растерялся.

— Что собирается делать мой господин? Здесь ночевать, или как? Пан Прантиш, мать Божья... Только безмозглого мальчишки мне не хватало во владельцы.

Голос звездочета даже скрипел от презрения. Вырвич обиделся. В конце концов это не его только что продали как лапотного мужика, а спесивого доктора. Нужно показать ему, кто на каком шестке будет ночевать!

— Куда прикажу, Бутримус, туда и пойдем... В ближайшую корчму, например.

— Было бы кстати, чтоб вы называли меня доктором, — мрачно промолвил слуга Прантиша. — Докторского звания меня никто не лишал, так же, как Платон не перестал быть философом, когда его тоже продали в рабство. — Помолчал, неохотно продолжил: — Корчма — это неплохо. Последний раз я ел... Давно, короче. Но за что там резвиться? Вы же, как я понимаю, последний шелег потратили на мою драгоценную персону?

Прантиш озадаченно хмыкнул.

Действительно, денег нет. А пан обязан заботиться о своих слугах. Какое уважение к пану-голодранцу, который и себе куска хлеба не купит? Правда, сейчас Прантиш был богаче своего батяни на целого слугу! У пана Данилы Вырвича ни одного холопа не осталось, если не считать старой Агаты, все спустил на шинок.

— А у вас... у тебя есть деньги?

Доктор ошпарил юношу взглядом.

— Если бы у меня были деньги, меня бы здесь не было. Ну что же, двинем в корчму.

И побрел в сторону Воложина, как черный аист с перебитым крылом, не обращая внимания на школяра. Прантиш растерялся. А что, если доктор набросится, бумагу о купле отберет, порвет, убежит? Тощий, но жилистый и злой, как борзая. Прантиш так бы и сделал на его месте. Ясно, что холопское положение этому типусу внове.

Но школяр — это вам не жирный карась, которого запросто можно неводом хапнуть. Главное, не напугать этого... Бутримуса. Дойти с ним до людного места. А там — перепродать хоть кому. Он же ученый, лечить, видимо, умеет, звезды

читать... И Прантиш бодро догнал своего слугу, который флегматично разбрызгивал ногами осеннюю жижу.

— Пан Агалинский говорил, ты золото делать умеешь. Это ты его обманывал, видимо? Наш профессор Кумоцкий говорил, что это байки да мошенничество, в действительности никому не удавалось создать ни крупинки искусственного золота!

Доктор одарил школяра еще одним острым презрительным взглядом, хоть вместо гвоздя в стену вбей, приостановился, пошарил в тайных карманах своего балахона и достал маленькую стеклянную бутылочку, не больше мизинца.

Прантиш жадно всмотрелся... В бутылочке темнело что-то похожее на черный уголь. Доктор потряс содержимое, и школяр заметил в черном золотые искорки. Если это золото, то за него и булки не дадут... Губы Бутримуса искривила горькая улыбка.

— Да, судьба зло шутит над теми, кто отдается гордыне ума и считает, что ему под силу взнуздать стихии, созданные Богом... В этом мизерном сосуде, юноша, десять лет моей жалкой жизни, все мое родовое

имущество и, наконец, мои достоинство и воля... Щепотка золота, смешанного с пеплом... Я действительно стою не больше шелега.

Сверху посыпались мелкие, как прозрачные маковые зерна, капли дождя. Бутримус спрятал бутылочку в карман и двинулся дальше, и летел за ним осенний ветер, как местечковый недоросль за юродивым, и дразнился прозрачным языком и дергал за полу... А Прантиш подумал про то, о чем всегда думает уверенная в себе сильная молодость, встретив чье-то взрослое разочарование: «Я никогда таким не стану. Со мною ничего подобного не случится».

Слова из алхимика приходилось вытягивать как мед из колоды — с осторожностью, решительно и с риском быть ужаленным.

Бутрим Лёдник был сыном полоцкого скорняка. Тот имел маленькую мастерскую по выделке шкур и большие надежды на расширение дела. Но единственный сын, который получил звучное имя Балтрмей, отца сильно разочаровал, так как от воних сырых шкур весь покрывался болячками и обмирал, как барышня после десяти

мазурок. Единственное, на что был способен — смешивать разные соли и жидкости... Но скорняка из него не вышло бы никогда, хоть с самого всю кожу сдерни. Недотепу пришлось отдать в ученики к чудаковатому владельцу книжной лавки и переплетной мастерской купцу Ивану Реничу. Добрейший человек, только странный: идет улицей, в книгу нос уткнув, ногами в трубу на звезды смотрит, ящериц и других тварей в банках со спиртом держит, да еще глаз все время дергается, будто на него невидимая муха садится. Одно слово — некому рассудка прибавить, потому как с маленькой дочкой остался, так новую женщину в дом и не впустил. Жена от чудака самым бесчестным образом с заезжим уланом сбежала. Так Ренич, вместо того, чтобы в суд подать на блудницу, да чтобы за волосы домой притащили, за прелюбодеяние по закону отвечать заставили — только слезу утер да отмахнулся от предложений: пусть, мол, живет госпожа Ренич как хочет, как ей счастливей. А еще подозрительно, что с евреями дружит, с аптекарем Лейбой сколько вечеров за учеными разговорами провели! Говорит — все мы Божьи существа,

всем Господь одну землю дал, в одном городе поселил, на один рынок ходим — и нечего нам делить, когда враги нашу землю поделить мечтают. Не иначе — каббалист и чернокнижник.

Вот здесь, среди тяжелых фолиантов и уютных томиков ин-кварти, псалтырей с золотыми буквицами и философских трактатов с загадочными рисунками, Бутрим себя и нашел, до книжной науки оказался очень сообразительным, и в создании чернил разных... Трактат Теофила «О разнообразных искусствах» выучил он наизусть лет в двенадцать, и умел составить краску «посх» первого и второго рода, и краску виридоновую, и аурипигмент... Изучил также «чем владеют греки в отношении разных красок и смесей, что знают в Тоскане о финифти и разных видах чернения и чем выделяются арабы в своих кованных, литейных либо чеканных изделиях, каким разнообразием сосудов, гемм, резной кости с золотом и серебром знаменита Италия, как любят во Франции разные украшения в окнах и насколько в чести утонченные работы из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня в

Германии». А аптекарь Лейба научил его разбираться в зельях и микстурах, составлять тинктуры, рассказал о соотношении в организме жидкостей, иначе — гуморов, а именно крови, желтой желчи, черной желчи и слизи, а еще научил латыни и древнееврейскому...

Иван Ренич способности парнишки заметил, сердцем к нему привязался, теперь было ему с кем вместе на звезды смотреть и заспиртованных ящериц изучать. Бутрим усвоил все переплетные приемы и мог работать теперь на хозяина. Но жажду знаний Ренич считал главным достоинством человека, поэтому выделил деньги на обучение юного Бутрима, а кое-что прибавил и аптекарь Лейба. Пришлось скорняку смириться с тем, что сын пойдет по ученой части. Закончил Лёдник Полоцкий коллегиум, получая на каждом курсе золотую медаль, потом отправился в университет в Праге, закончил там факультет искусств, изучая семь свободных наук и царицу наук — философию, потом перебрался в Лейпциг, поступил на медицинский факультет... Новые и новые знания пьянили сильнее вина. Обрел

докторскую цепь на грудь, но более, чем богоугодное лекарское дело, захватили его науки тайные. И прежде всего — алхимия. Найти философский камень! Какая высокая цель жизни! А что, даже другой полочанин, славный Франциск, сын Скорины, несколько лет жизни на обретение того камня угробил, перед тем как начал книги печатать. Год за годом Бутрим приближался к разгадке... Путешествовал, знакомился со знаменитыми мыслителями и алхимиками, видел такое, что земному глазу видеть не должно. И на войне пришлось побывать, и чуму встретить, из плена убежать, и во дворцах красоваться. Даже к бешеному Мартину Радзивиллу попал, который чернокнижием занялся и к себе всех знатоков тайных наук созывал... И едва уцелел, ибо утомленный красотой многочисленных «кадеток» князь чего-то неземного захотел. И чего-то забрал в голову, а скорее натрепал ему от зависти кто-то из ученых коллег, что молодой Лёдник может вызвать для панского утешения Сильфиду, воздушного духа красоты необычайной, который одарит земного любовника способностью летать и

язык птичий понимать... Вот только не желает Балтромей признаться в этом своем умении, чтобы единолично прелестями духов воздушных пользоваться. Так что когда не менее бешеный брат Мартина Героним Радзивилл, по прозвищу Жестокий, вместе со вторым братом, гетманом Михалом Радзивиллом, и племянником Каролем взяли штурмом Мартинов замок, а ученую шайку разогнали, Бутримус воспринял это как спасение, потому что хозяин всерьез намеревался пустить упрямого алхимика на ингредиенты для опытов.

Пока муж ученый по миру бродил, и молодость прошла, и родителей черная оспа забрала — толку-то, что сын на лекаря выучился. Но не было времени горевать. Алхимик засел в родительском опустелом доме и начал Великое Действо — добывать философский камень... На редкие составляющие ухайдакал и свои и родительские деньги. Дом и мастерская пошли в залог. Но этого не хватило. А тайный процесс был уже на той стадии, когда нельзя отойти от пылающего тигля, когда нельзя прерывать дело. Бутрим

постепенно прекратил лечить даже самых богатых клиентов. И наконец заложил одному из них — пану Агалинскому — последнее, что имел: себя самого, пообещав, что вот-вот сумеет превращать железо и олово в самое чистое на свете золото, и тогда расплатится сполна. А иначе будет служить ему до гроба.

Агалинский ждал целый год. Наконец, золото сверкнуло в углях тигля... Но когда пан осознал, сколько будет стоить одна монета из такого искусственного золота, и сколько лет нужно собирать на нее блестящий металл — разъярился и затребовал долг. И Лёдник перестал быть вольным человеком.

В ужасе Бутрим оглянулся на свою судьбу... И понял, что это — Божья кара. Он дал себе слово, что больше никогда не пойдет против Божьего промысла, не станет не только заниматься алхимией, но даже и составлять гороскопы, навсегда отречется от колдовства и гадания.

Пану Агалинскому эти перемены очень не понравились. Получалось, что не только золота, но и предсказаний согласно звездам от Бутрима не дожидаться. Агалинский

пригрозил, что отдаст упрямого звездочета служить на конюшню. Но раскаявшийся алхимик только нудел о Божьей воле и грехе чародейства, читал каноны святому Киприану, который когда-то сжег собственные магические книги, и никакие уговоры, даже по ребрам и по спине, на него не действовали. А поскольку знатоком различных ядов Лёдник был выдающимся, также его подозревали в способностях к сглазу и черным заговорам, то Агалинский стал бояться кусок в горло класть. Тогда и пообещал пан на горячую голову, что продаст бесполезного должника первому же прохожему на этой дороге. Вот и получилось то, что получилось...

Прантиш быстренько прикинул: если бы в корчме его слуга начал составлять за деньги гороскопы, можно было бы неплохо заработать... Кто же не хочет заглянуть в будущее! Даже отец Прантиша, пьянь и буян, на каждый большой праздник заказывал себе предсказание у аптекаря из ближайшего местечка, который подрабатывал звездочетом. Но если этот упрямый Лёдник астрологию отринул, можно использовать другие его навыки...

— Послушай, Бутрим, а ты лекарскую науку не забыл?

Алхимик презрительно хмыкнул.

— А что, пан разболелся?

— Не дожدهшься! А вот в корчме, куда мы придем, больные обязательно найдутся. И заработаем денег! Только вот что... — Прантиш в задумчивости взлохматил русский чуб, выбивавшийся из-под шапки, как будто мало этой же работы наделал ветер. — Кто же поверит, что известный доктор — слуга школяра... Чтобы к тебе пошли пациенты, нужно напустить важности. Ты, главное, молчи и рецепты помудрее да поудивительнее выписывай на латыни. А я сам все скажу.

Бутрим мрачно оценил проворные ухватки своего господина, заглянул в его голубые глаза, такие честные, что сразу хотелось ощупать свои карманы, и тоскливо вздохнул:

— Что-то мне подсказывает — сто раз я пожалею, что пан Агалинский не послал меня служить на конюшню.

Глава вторая. КАК БУТРИМ ЛЁДНИК И ПРАНТИШ ВЫРВИЧ В КОРЧМЕ ГУЛЯЛИ

Если бы Прантиша спросили, в чем глубокий философский смысл существования придорожной корчмы, школяр, не задумываясь, ответил бы: в том же, в чем смысл жемчужин, нанизанных на нитку. Зачем нитка, если на ней не будет жемчужин?

Эта корчма под звучной вывеской «Рим» была не самым шикарным заведением... Три ободранных тополя жались к стенам, будто пьяные гости. Зато у самой корчмы стояло несколько экипажей — от скромной таратайки до основательной кареты, хоть и без гербов. А это был добрый знак — есть с кого брать подати!

Воздух в корчме можно было резать ножом. Сразу чувствовалось, что любимые блюда завседатаев — капуста и шкварки, а любимые напитки — пиво и водочка. Стекланный бог имел здесь постоянную паству. «Три! Восьмерка! Венера! Собачьи очи!» — выкрикивали игроки в кости. Слепой певец, худой как тростина, с

вытянутым бледным лицом, в сопровождении скрипки и басетли-контрабаса выводил тонким голосом «Дороту». Старый шляхтич с обвислыми усами, в сарматском наряде, мех на котором моль побила, словно Михал Глинский — татар под Клецком, с самой кислой миной потягивал пиво. Молодая симпатичная хозяйка корчмы с черными волосами, убранными под ослепительно-белый чепец, почтительно выслушивала его ворчание о всеобщем падении нравов.

Лекарь и его «ассистент» скромно уселись за угловой столик, едва не теряя сознание от соблазнительных запахов, и Вырвич начал разведку. Пятеро мужиков, похоже, с Городенщины, подозрительно оглядывались по сторонам, очевидно испуганные слухами о невероятных проходимцах, которые ждут честного христианина в каждом шинке. Этих дикарей развести на что-либо было мало надежды. От городенцев явственно несло козлиным салом, которым простолюдины, отправляясь в путь, смазывают одежду от паразитов. А вот трое шляхтичей, самозабвенно занятых игрой в кости, были

очень обнадёживающей компанией, алмазные пуговицы на их шапках сверкали, как искорки, и не попробовать обчистить их карманы — просто грех... Правда, не видно было никого даже отдаленно похожего на личность, что могла бы приехать в шикарной карете без гербов, которая стояла у корчмы. Шляхтич в побитых молью мехах был точно не из таких. Видимо, особо важные гости отдыхали на втором этаже, где находилось несколько комнаток. Может, удастся сбить алхимика тем гостям? Прантиш, как парень совестливый, не прочь был подыскать лекаря приличных хозяев. А тот фает за столиком под самой лестницей, похожий на «юриста из палестры», мелкого чиновника, который выполняет черновую работу в суде, непременно доносчик: вон как прикидывается, будто ему безразлично, что вокруг него говорят, а сам так и шарит блеклыми глазами, выискивая крамолу. Этого нужно остерегаться... Неизвестно, на кого работает. 1759 год от Рождества Христова, времена смутные, московские войска так и рыщут по стране, одни магнаты сотрудничают с россиянами,

другие интригуют против, сеймы срываються один за другим... В Пруссии война, король-саксонец удрал из своего Дрездена в Варшаву. С собственным народом сладить не может, а до здешнего ему и совсем как до сухой груши... Он даже по-польски, сидя на польском троне, не научился изъясняться, не говоря уж о белорусском языке. А соседи, слабость власти почуяв, не прочь снова погулять по литвинским землям. Потому что земли эти искони на перекрестке, добывают их, как философский камень — упорно, столетиями, не жалея средств и жизней человеческих, и если бы из костей и крови вырастали белые деревья с красными листьями, как в бабкиной сказке, то пуши и леса земли этой напоминали бы красное море...

Прантиш оглянулся на Лёдника: тот сидел, выпрямив спину, будто готовился принимать экзамены, и даже по сторонам не смотрел, казался здесь в своей черной хламиде таким же обычным, как пушка на току. Черноволосая корчемница, которая сновала между столами с кувшинами пива, будто легкий челнок между камышами,

подозрительно скользнула глазами по темной фигуре в углу... Прантиш понял, что надо начинать свое дело. Сорвал шапку с облезлым сободем и торжественно махнул ею, будто вызывал бога северного ветра.

— Уважаемые господа! Только сегодня, проездом в Париж из Лемберга — известный лекарь пан Балтроеус Лёдник, мастер исцелений, знаменитый алхимик и звездочет, который лечил королей и князей. Любую болезнь он узнает и назначит лекарства от нее! Меня вылечил за один день от самой жестокой лихорадки! Всего три шелега за консультацию!

Лёдник поджал губы, будто его обзывали висельником, но поесть, видимо, хотел и он, поэтому достал из карманов своей замусоленной черной свитки бумажки и карандаш, положил их перед собою на стол, готовясь выписывать рецепты.

— Пан-брат, а от нарывов в горле пан лекарь поможет? — настороженно спросил старый шляхтич, отодвинув бокал пива.

— От всего! — уверенно подтвердил Прантиш. — Три шелега!

К заезжему эскулапу потянулись клиенты. За старым шляхтичем, который,

очевидно, все еще вместо носков приказывал насыпать в свои сапоги перетертую солому, — игроки в кости, за ними — чернобородый извозчик, у которого ломило руки перед дождем, потом — две женщины-кухарки... Даже милостивая хозяйка корчмы долго сидела перед алхимиком, и тот терпеливо проверял ее пульс по очереди на обеих руках. Деньги брал Прантиш, и вскоре идея продать лекаря уже не казалась ему столь удачной. Если вот так водить его по шинкам да застенкам, как цыгане медведя, то можно неплохо жить! Лёдник обслуживал больных наилучшим образом. Важно выслушивал, ощупывал, сурово допрашивал и выписывал мудреные рецепты, кому *oleum mentha*, кому *unguentum commune*, кому *syropus koraiba*. Под его взглядом люди мельчали, как школяры, но и в спасение верили легко, по тому же принципу, по которому считается, что чем более горькие лекарства, тем они сильнее. Лёдник одному перевозчику даже руку поврежденную ловко вставил на место, покрутив и дернув. Сразу было видно, что лекарю не внове никакие раны.

Прантиш заказал пива и свиных

ребрышек с капустой столько, сколько могли съесть двое очень голодных мужчин. Конечно, рядом с лекарем не сел — где это видано, чтобы шляхтич ел за одним столом со слугою! Особенно согревала мысль, что кичливому доктору, наверно, доводилось садиться за один стол с такими родовитыми личностями, которые Прантиша, сына обнищало́го шляхтича-пьянчуги, и на крыльцо не пустили бы... Если бы не приходилось изображать из себя ассистента, Прантиш показал бы холопу его место! А пока просто пристроился подальше... Заметил, что слуга его, прежде чем пододвинуть к себе тарелку, перекрестился по-православному обычаю, щепотью.

Пиво было не самым поганым, не заяц сварил, но Прантиш заметил, что молодая корчемница, которую, как узнал проворный школяр, звали Адэля, несколько раз бегала наверх с кувшинчиком, куда наливала вино из особого бочонка. Вино, очевидно, куда как вкуснее, чем то пиво. Прантиш решил, что лучший способ отведать доброго напитка — подкатиться к хозяйке. Но та только поморщила вздернутый носик: мол, уважаю вашу милость, но не для пана

деликатесы, титулованными панями выкупленные.

Между тем Адэля в очередной раз, цокая по ступеням красными каблучками, которые так соблазнительно показывались из-под складок юбки, побежала наверх, на этот раз не так быстро, потому что серебряный тазик в ее руках был полон теплой воды. Точно — наверху благородная дама... Прантиша так и подмывало посмотреть на таинственную незнакомку. А может, через Адэлю предложить ей услуги своего лекаря, вот и будет предлог для визита?

Вырвич оглянулся. Лёдник мрачно уставился в бокал, будто хотел увидеть сквозь него свое жалкое будущее... Но в бокале пенилось всего только не самое лучшее пиво. Музыканты завели очередную песню, заплакала скрипка, загудела басетля, задрожали по углам вечерние тени, которых не могло разогнать трепетное пламя бледных свечечек, готовящихся стать грязными лужицами воска.

Куды едзеш, Рамане?

Ой, вір-вір, бом-бом.

На кірмаш, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом^{*}.

Алхимик провёл длинными пальцами по худому лицу, будто не узнавая себя. Полез в карман и достал маленькую стеклянную бутылочку... Прантиш знал, что в ней.

А што вязеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Воз дзяўчат, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
Пачым цэніш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Па чырвонцу, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом^{**}.

Скрипка рыдала, будто была живым существом, которое потеряло самое дорогое. За соседним столом даже притихли на мгновение голоса игроков в кости. Бутрим поднес бутылочку близко к глазам, встряхнул, взглядываясь в свое последнее золото... Даже издали Прантиш видел, как кривятся его губы.

Куды едзеш, Рамане?

Ой, вір-вір, бом-бом.
На кірмаш, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
А што вязеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Воз хлапцоў, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.
Пачым цэніш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Па талеру, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом^{***}.

Кого-то продают за талер, а кого-то и за шелег, всем есть цена в этом не лучшем из миров... Басетля глухо поддакивала высокому голосу слепого певца. Прантиш нашупал в кармане башенку — кубок с астрогалами, игральными костями. Может, присоединиться к компании? Иногда удавалось же выигрывать да мошенничать, если не наткнешься на более сильного мошенника. В коллегииуме он и еще один щавлик с младшего курса, Михась Мицкевич, тоже из небогатой шляхетской семьи, были самыми сильными игроками. Мицкевич, правда, особенные способности имел: три раза подряд мог «венеру»

выбросить — все шестерки, и никто не поймал его на шельмовстве. Тот щавлик твердо намеревался, когда подрастет, ехать в Лемберг, учиться у лучших шулеров и потом королей обыгрывать. Прантиш же мечтал стать славным воином, завоевать богатство и титулы саблей, которую, кстати, тоже в ближайшее время стоило раздобыть. Выпитое пиво приятно кружило голову и вынуждало к подвигам.

Черноволосая корчемница снова спустилась вниз и налила в кувшин из маленького бочонка особого вина. Прантиш сразу же подскочил к молодке, как аист к луже с лягушками, затараторил, забалагурил... Но хозяйка заведения и сама имела язычок острый, как сабля королевского улана, и голубые глаза Прантиша никак не могли пробиться к ее закаленному опытом корчемного ремесла сердцу. Это она шляхтичу отказывает? Эх, была бы у него сабля!

Кувшинчик в руке Адэли притягивал, как горячая смола — пылинку... Женщина ловко уклонилась от нахального юноши и двинулась, оглядывая свое хозяйство, как гетман — поле битвы. Поравнялась со

столом, где сидел Лёдник... Что-то тихо сказала ему... И — что такое? Поставила перед Прантишевым слугой заветный кувшинчик!

Школяра пронизало злобой. Балтромей поднял на женщину темные глаза:

— Простите, пани, я сейчас не могу позволить себе токайское.

— Это угощение от меня пану лекарю!

А с какой наигранной стыдливостью произнесла! И даже будто невзначай прижалась к чародею! Прантиш ничего не мог понять. Он, Вырвич — юный, веселый, красивый, а доброе вино на дармовщину достается старому мрачному чернокнижнику с клювастым носом! Что он — присушивает женщин латиницей? Или носит с собою мясо молодого жеребенка, высушенное в новом глазурованном горшке, или волосы с конца волчьего хвоста, а может, собственную кровь, выпущенную в пятницу, смешанную с заячьими ядрами и печенью голубицы, да в порошок превращенную, подсыпает женщинам?

Еще немного пошептавшись с лекарем, Адэля ушла, даже не взглянув на голубоглазого чубатого школяра. Лёдник

проводил ее взглядом, неспешно налил вина, красного и густого, как кровь, в свой опустелый бокал, даже какое-то мечтательное выражение появилось на лице... Вспомнил, очевидно, свои золотые деньки, когда еще и не такое вино смаковал. А смолы тебе горячей!

Прантиш рванулся вперед и выхватил бокал просто из-под носа алхимика. Глядя в глаза своему слуге, неспешно выпил. От злости даже хорошенько не распробовал. Но вино, кажется, отличное... И крепче пива. Значительно крепче. Брякнул пустым бокалом о стол. Лёдник, будто изучая редкую болезнь, смотрел на господина. Снова налил полный бокал. Протянул руку...

Прантиш снова опередил слугу. Медленно поднес бокал к губам, выпил, не отрывая взгляда от черных глаз, в которых больше всего на свете хотелось увидеть вместо затаенной искры насмешки — настоящую обиду. Но держать взгляд на одной точке становилось все тяжелее, лицо мерзавца Балтромая начало каким-то непонятным образом двоиться.

Пустым бокалом стукнул о дубовый

стол. Лёдник снова промолчал, посидел, опустив голову. Прантиш, немного пошатываясь, нависал над ним угрожающе, как циклоп над Улиссом. А что — он, пан Вырвич герба «Гиппоцентавр», сильный, большой... Ух, какой хват! Что перед ним какой-то доктор, даже если и в Праге учился! В голове играли скрипки и волынки, пол пошатывался в такт музыке, так что пришлось опереться обеими руками о стол.

Алхимик, как ни в чем не бывало, опять наполнил бокал. Прантиш снова успел первым, хоть и расплескал драгоценной жидкости... Но его руку вдруг стремительно, как клещами, перехватила рука лекаря. Лёдник холодно промолвил, не глядя на школяра:

— Думаю, вашей милости уже достаточно.

— Да т-ты как посмел! Да я т-тебя... Хам... Плет-тей попро...про...

Однако язык не успевал за возмущенными мыслями, мир вокруг зашатался, как отражение в вешних водах. Вырвич только осознал, что кто-то взвалил его на плечо самым позорным образом, как мешок с горохом, и куда-то понес. Да еще

низкий голос где-то рядом ворчал:

– Глупый мальчишка...

На этом длинный день приключений для Прантиша Вырвича завершился.

Глава третья. КАК ПРАНТИШ ПОЗНАКОМИЛСЯ С ВОЕВОДОВОЙ ДОЧКОЙ И ЕДВА НЕ ПОТЕРЯЛ АЛХИМИКА

Утро началось с головной боли. Этакое нормальное шляхетское утро. Прантиш еле продрал свои когда-то яркие голубые глаза. Он лежал в кровати не самой шикарной, но все-таки в кровати, а не на полу... Хоть и на извечном для придорожной корчмы сенном тюфяке. Похоже, им выделили, как почетным гостям, комнатку на втором этаже. Адэлина любезность? Память понемногу возвращалась, и это не радовало. Неужто его сюда принес Лёдник? Прантиш вспомнил, как выхватывал бокалы из-под большого носа доктора с радостным чувством, что это настоящий подвиг, и щеки загорелись от стыда. А где этот доктор? Не сбежал ли? Вырвич попробовал приподняться, но от этого мир поплыл

купальским хороводом, даже отблески пламени костра примерещились... О, Боже, как болит голова!

— Что, наискался пан *in vino veritas*? — насмешливый голос рядом воспринялся с облегчением. Школяр повернул голову, от чего в глазах потемнело. Когда туман рассеялся, Прантиш понял, что доктор, уже без своей черной мантии, в одной белой рубашке и саксонских портках, размешивает в кубке какой-то отвар, от которого идет запах собачьей мяты.

— И часто пан Вырвич доходит до такого состояния? — насмешливо проскрипел алхимик.

— Я не люблю быть таким... Таким, как мой отец...

Вырвич сразу пожалел о своих словах... Вот оно, что у трезвого на уме..., *embritas et amor cuncta sekreta produnt*. Но Лёдник даже не хмыкнул. Только спросил, продолжая что-то взбивать в кубке:

— А вот что мне интересно... Мой пан такой боевитый, а без сабли. Видимо, в геройской сече свое оружие оставил?

— Ага, в сече... — вот же умеет человека уколоть. — В конвенте забыл.

— Значит, убежать пришлось... Неужто дочку какого-то профессора соблазнил?

Злые слова Лёдника, однако, звучали скорее ворчливо, нежели издевательски, тем более что сам он сунул под нос господину глиняный кубок с отваром.

— Поднимайся... Пей...

И даже помог приподняться. Прантиш торопливо глотнул горячую душистую жидкость — страшно сушило... В глазах почти сразу прояснилось, утихла головная боль. Хорошо иметь своего лекаря!

Между тем Лёдник смотрел на юношу как-то странно.

— И ты не спросил, что в кубке? Не приказал мне отпить самому? А если бы я тебе яду подлил?

— А что, ты мог? — весело спросил Вырвич, откидываясь на тюфяк. Алхимик молча стоял над ним, худое лицо его еще больше вытянулось... И Прантиш вдруг понял, что лекарь не привык, чтобы ему вот так верили. Видимо, среди не самых приятных ближних терся...

— Можешь быть спокоен, пан Франциск, я подавал людям только лекарства... — голос алхимика звучал глуховато, будто он все еще

был под впечатлением.

— А я и не переживал! — Прантиш сладко потянулся. Знает же алхимик свое дело! Даже тошнота прошла... Эх, как хорошо, когда тебя не будят едва не с первыми петухами, чтобы вставать на уроки... Сейчас бы саблю в руки, да на коня, да чтобы за тобою верное войско! Где та сабля с выгравированным на эфесе Гишпоцентавром...

— Кстати, я не Франциск, а Франтасий!

Лёдник искренне удивился.

— Тоже православный?

— Вырвичи веры не меняют! — гордо сообщил Прантиш. — А мой святой покровитель, мученик Франтасий, ух какой святой! Ему и его сподвижникам римляне в головы гвоздей набили, а потом отрубили. Так мученики головы подняли и к своему епископу Франтону распрощаться пришли. Вот что вера творит!

Вырвич зевнул, но спать больше не хотелось. Лёдник завязывал мешочки с сухими травами, из которых варил отвар, и молчал, как стена. Надо же, какой нелюбопытный... Или нарочно притворяется.

— Никаких профессорских дочек я не соблазнял, потому что не было случая, — лениво нарушил молчание Прантиш. — А удирать пришлось... из-за Вороненка.

— Птицу на лекцию притащил? — пробурчал лекарь. — Шут...

— Вороненок — так моего приятеля прозвали... Ну не то, чтобы приятеля... Как с таким дружить... Он горбунком был. Хворенький такой, смешной... Но умный, холера.

Прантиш закрыл глаза, чтобы до черточки представить лицо бедного Вороненка.

В действительности его звали Денисием. Был он из семьи небогатой, но все-таки не такой бедной, как Вырвич, который попал на учебу только благодаря крестному-писарю. Оба были из православных семей, иезуиты брали учиться всех, рассчитывая, что к окончанию занятий каждый схизматик убедится в правильности католической веры.

С Прантишем вообще получилось досадно — среди его однокурсников оказался сын пана из соседнего имения, который не раз видел, как Прантишев отец